

Рец.: Панкрат Т. В. Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы. Вторая половина XIX – начало XX столетия. М.: Изд-во ПСТГУ. 2011. 192 с.

История Русской Православной Церкви Синодального периода требует более внимательного к себе отношения со стороны светских и церковных историков. В основном эта эпоха истории национальной Церкви вызывает гипертрофированную критику исследователей. Отмечают и сомнительную, трудно вписываемую в церковные каноны систему управления Церковью после петровских преобразований; и безынициативность, косность клириков, приведшую их, в конце концов, к конфликтным отношениям с паствой ближе к началу XX века; и церковный «сервиллизм», заземливший христианские ценности, и многое, многое другое. Безусловно, вызовы Синодальной эпохи были весьма непростыми, болезненными, тяжело мучившими и священноначалие, и клириков, и церковный народ. Однако, как и любая другая эпоха, синодальная была и эпохой творческих побед, и ответов на, казалось бы, «неразрешимые» вопросы. В эти ответы надо обязательно вслушаться, чтобы понять многие процессы современной церковной жизни.

На Историческом факультете ПСТГУ пристальное внимание уделяется проблемам социального служения Церкви, взаимоотношениям Церкви и общества, церковной благотворительности этого периода. Сама постановка этих вопросов заставила исследователей этого направления (труды на этом поприще создают иерей Андрей Постернак, Е. Н. Козловцева, Ю. И. Белоногова и их ученики) заниматься изучением повседневной жизни прихода, отдельных христианских общин и организаций. Это позволило нашим коллегам вписать историю Церкви синодального периода в определенный социальный контекст эпохи, увидеть скрытую тихую работу русского христианина эпохи империи. Одной из самых удачных попыток подобного рода является незаконченная кандидатская диссертация трагически погибшей Татьяны Панкрат.

Исследование состоит из двух глав. В первой показаны обстоятельства появления на свет попечительств. Во второй — проанализирована их конкретная деятельность. В целом исследовательница дала панорамную статистическую картину московской благотворительной деятельности. Она сумела выявить все московские церковно-приходские попечительства (таблица на С. 37–44), уточнив данные о них, содержащиеся в исследовательской литературе, объяснив расхождение сведений при подсчетах попечительств у разных исследователей и показав динамику их появления в Москве по десятилетиям (С. 44).

Кроме того, исследовательница сумела подсчитать приходские доходы и расходы на благотворительность в Москве, сопоставив их с подобными цифрами в Санкт-Петербурге — в частности — и по стране — в целом. Получилось, что в среднем в Москве попечительства тратили на благотворительность 76,5 тысяч рублей в год (в Петербурге — 62,3 тысячи), из которых на благотворительные проекты в Москве уходило 99,6% (в Петербурге — 65,6 %; в других епархиях — 4–18 %), на украшение храмов — 0,4 % (в Петербурге — 31,7%, в других епархиях — 70–80 %), на содержание притча в Москве деньги попечительств не расходовали (в Петербурге — 2,7 %, в других епархиях — 3–12 %). Из этих статистических сведений стало понятно, что московские приходские попечительства были ярко выраженными благотворительными организациями, целью которых являлась помощь социально незащищенным прихожанам.

Перед исследовательницей встала задача объяснить подобное положение дел. Ведь фактически полученный ответ означал, что практика организации церковных попечительств в Москве кардинально расходилась с изначальными задумками авторов реформы, которые в своих предельных стремлениях думали прежде всего решить вопрос самофинансирования прихода и ввести контроль приходского совета над всеми собираемыми в приходе средствами, а их программой минимум была задача возложить финансирования клира на самих прихожан (см. первые статьи Положения о приходских попечительствах при православных церквях от 2 августа 1864 года и историю подготовки проекта; С. 28–30). Подобной наполненности Положения резко возразил московский митрополит Филарет, посчитавший подобные нововведения противоречащими каноническому строю Русской Православной Церкви и резко настоявший на том, чтобы средства попечительств отделялись от средств собственно церковных, которые должны были продолжать находиться в полном управлении церковных старост, назначенных настоятелями (С. 27). Церковный иерарх сделал все возможное, чтобы председательствование в попечительствах было возложено не на мирян, а на настоятеля, а в совет также могли входить и другие клирики (С. 28) и — обязательно — церковный староста. В результате Положение опиралось не на опыт реформаторов из Санкт-Петербурга, а на опыт реально существовавших приходских советов нескольких московских церквей (Казанская у Калужских ворот, Ризоположенская близ Донского монастыря, Воскресенская на Остоженке, Трехсвятительская у Красных ворот, Спасо-Преображенская на Божедомке), в которых «достаточные прихожане» и клирики, составлявшие совет, оказывали исключительно «христианскую благотворительную помощь нуждающимся». Помимо государственных чиновников, прежде всего, П. А. Валуева, митрополита Филарета, проблему функционирования приходских попечительств, правда, только в 1880–90-е гг., обсуждали и церковные публицисты. Они мечтали о возрождении православных братств, в руках которых должны были оказаться и церковные фонды, и социальное служение Церкви, и ее образовательное пространство.

Таким образом, ответ на вопрос о том, что такое приходское попечительство, обсуждаемый в заочном диалоге между представителями высшей бюрократии, церковной иерархии и церковными публицистами, мог быть получен только

на практике, следы которой исследовательница попыталась найти в уставах попечительств, регистрируемых московской духовной консисторией. В результате выяснилось, что, если Положение допускало к участию в попечительствах только домовладельцев, имеющих право участвовать в местных выборах, то по уставам конкретных московских общин к благотворительной деятельности привлекались все, кто вносил пожертвования. (С. 60–61). При этом реалии московской городской жизни были таковы, что в большинстве своем это были купцы, имеющие возможность одновременно пожертвовать более 100 рублей; женщины-дворянки, желающие иметь поле для социальной активности (входили в советы попечительств); все остальные, чьи пожертвования были важными (в среднем до трех рублей в год на постоянной основе, или 50 рублей одновременно, как в Никольском храме в Кузнецях), но не определяющими. Целями московских попечительств стало формирование основного, запасного и расходного капитала для реализации уставных целей. С этими задачами советы успешно справлялись. Приведенная в монографии статистика свидетельствует, что в среднем ежегодные доходы попечительств без учета членских взносов составляли от 300–400 до 800–1200 рублей, в то время как расходы — от 300 до 6500 (С. 110). Это означает, что основная масса поступлений попечительств это не кружечные сборы и финансирование из епархиальных источников, а регулярные членские взносы благотворителей попечительств, что является московской спецификой. Точно так же, как и большие по российским меркам того времени капиталы попечительств, позволяющие им производить различные социальные выплаты.

Выделенные в пределах годового бюджета деньги распределялись следующим образом. Главной расходной статьей бюджета были единовременные выдачи на Пасху (от 1 до 5 рублей семейным прихожанам; от 50 коп. до 3 рублей одиноким — С. 124); этим видом услуг пользовались от 48 до 270 семейств в год (С. 133). Беднейшим прихожанам выдавались ежемесячные пособия (в среднем от 50 копеек до 5 рублей; суммы пособий могли достигать 1468 рублей). Попечительства оказывали помощь прихожанам для оплаты медицинских услуг, приобретения дров, ходатайствовали перед работодателями при принятии на работу социально обездоленных. На средства попечительств в Москве существовали 32 богадельни, которые предоставляли дешевые комнаты и еду для неимущих и находящихся в пенсионном возрасте священников и их вдов. Московские попечители организовали 45 церковно-приходских школ и один приют, дав работу в них и обеспечив зарплатой учителей. Наконец, попечительства вели просветительскую работу на приходе: открывали при храмах библиотеки-читальни, создавали кружки самообразования.

С точки зрения управления капиталом московские попечительские советы дали три модели управления. Во-первых, формирование капитала за счет благотворителей и управление им самими благотворителями. Во-вторых, формирование капитала за счет различных дополнительных сборов и выборы из среды прихожан ответственных за попечительскую работу. В-третьих, формирование капитала настоятелями храмов и их старостами за счет кружечного сбора на благотворительные нужды. Последняя модель была характерна для пятиприходного попечительства в Зарядье, которое объединило капиталы с кружечного сбора в

этих храмах, а во главе попечительства встали настоятели этих церквей и их старосты. Первые две модели обозначали активное участие в формировании и распределении капитала прихожан. При этом вторая модель была более «демократичной», однако вряд ли давала большие средства для распределения. Если мы обратимся к данным источников, то увидим, что если собранный за счет самих прихожан капитал Троицкого храма на Воробьевых горах составлял 108 рублей, то благотворительный капитал Никольского храма в Ваганьково, сформированный, по всей видимости, какими-то меценатами, — до 105 465 рублей (С. 117). В результате, в то время как некоторые попечительства едва сводили концы с концами, другие имели возможность приобретать для запасного капитала доходные дома, облигации и использовать доход с них на социальные нужды.

Впрочем, это была эпоха, когда индивидуальный опыт отдельных московских общин не обобщался, а социальная работа находилась на начальном этапе развития. Однако и этот опыт показывает, что помимо литургической жизни в храме у московских общин имелся опыт социального служения и желание решать сложные вопросы бытовой и повседневной жизни своих прихожан в условиях модернизирующейся Москвы. Именно это и показывает рецензируемая работа, намечая вопросы для продолжения исследования, которые, надеюсь, последуют.

В этих исследованиях интересно было бы узнать, сколько в Москве было «богатых» попечительств, сколько «демократических», сколько управляемых клириками самостоятельно. Интересно будет сравнить направление социальной работы в каждом из этих типов попечительств. Наконец, важно узнать, сколько человек и семей в среднем за год пользовались социальной помощью приходских попечительств, и сравнить количество призреваемых в Москве церковью с числом призреваемых со стороны московского городского управления или земства. Наверное, возможно более детально проследить характер работы московских ЦПШ и влияние на них попечительств, а также посмотреть на характер изменений в отношении попечительств к богадельням. Если это произойдет в работах студентов и аспирантов нашего факультета, то обязаны в этом мы будем нашей Татьяне, светлой, трепетной девушке, которую всегда будут поминать на факультетских литургиях.

Д. А. Цыганков